

Большое дело

Как минимум половина населения страны смело может назвать тинэйджерскую часть своего детства пионерским. Но у всех оно было разным.

Мне, пионерке первой половины семидесятых, из всей красногалстучной поры запомнилось лишь вступление в детскую организацию: в день рождения Ильича, на сцене драматического театра имени А. С. Пушкина, где в звенящей тишине мы с одноклассниками по очереди назвали свои имена и хором произнесли клятву верности идеалам коммунизма. Клятва, написанная взрослыми на взрослом языке о задачах взрослой жизни, была бы трудна для заучивания, если бы не дальновидный педагогический приём: её печатали на обороте школьных тетрадок – заучивалась «сама». А дома ждал подарок: набор для умывания в яркой коробке – скромный, но в условиях относительного дефицита красивых вещей желанный для тогдашней детворы. Помню своё удивление при виде подарка: прежде по-детски отделяла домашнюю жизнь от общественной, а оказывается, вступление в пионерию в семье было отмечено как моё взросление. Ещё помню, как трудно было научиться завязывать галстук особым узлом, но, как и клятва, он помнится до сих пор. На этом закончились волнующие предчувствия от вступления во взрослую жизнь. Дальше – только скука продолжительных пионерских сборов с политической повесткой и неизменными ритуалами. Даже легендарным пионерам-героям в пионерской жизни не нашлось места: их биографиями я зачитывалась дома, а в школе о них вспоминали казённо. Наверное, и в пионерской работе сказался дух застоя. А какие воспоминания оставила о себе детская общественная организация у пионеров других десятилетий?

Владислав Воронков, ветеран прокатного производства ММК:

– Красный галстук повязал незадолго до войны, в Уфе, а окунуться в атмосферу обычной пионерской жизни уже не довелось: в сорок первом ни детям, ни взрослым стало не до общественной работы в прежнем формате. Можно сказать, что делом пионерии было, например, принять на домашнюю стирку для фронта окровавленную солдатскую одежду: гимнастёрки, телогрейки. Стирали, конечно, взрослые, детям не по силам, но мы хотя бы служили передаточным звеном. А вот вступление в организацию запомнилось как яркое событие: разучили гимнастические упражнения, отрепетировали «пирамиду». Я, правда, промахнулся, и вышел на сцену не в своё время, но бодро промаршировал вместе со всеми, не нарушил строй. Всё равно праздник удался. Через год-другой учились ходить в ногу, надевать противогаз, стреляли в тире, маршировали на улице. Наверное, это тоже была пионерская жизнь – просто в военную пору. А в жизни страны, пусть и по-детски, я и без указующего перста ориентировался: отец мне выписывал детскую прессу.

Анатолий Дьяконов, ветеран прокатного производства ММК:

– До сих пор сожалею, что страна потеряла такие организации, как пионерия и комсомол. Сам был активным в пионерской работе, стал барабанщиком – меня приняли сразу после войны, когда в воздухе остро ощущалась

Взвейтесь кострами!

На этой неделе страна отпраздновала День пионерии

радость победы. Хотелось жить, трудиться! К четырнадцати был готов к ещё более серьёзной общественной работе, но чтобы вступить в комсомол, чуть-чуть не дотягивал по возрасту. Дошёл до райкома комсомола – и разрешили. Считаю, многое в моей профессиональной и общественной жизни началось тогда, в пионерском детстве.

Пётр Черепанов, ветеран Стройкомплекса ММК:

– К возрасту вступления в пионерскую организацию учился в деревенской начальной школе под Верхнеуральском – всего шесть учеников. Не помню, чтобы у нас вообще была пионерская организация, я и в комсомол-то вступил, уже приехав в Магнитогорск получать специальность после школы. Заботы были другие: в пионерском возрасте мы умели управляться с лошадью, участвовали в сенокосе, копали картошку, собирали колоски для колхоза – отвлекаться на общественную жизнь ни детям, ни взрослым было некогда.

Михаил Кузьмин, ветеран энергетик ММК:

– Вступление в пионерскую организацию в конце пятидесятых запомнил как праздник. Жил в Орске. Был День пионерии, в обществе остро ощущалась хрущёвская оттепель, и хоть мы, дети, мало в этом понимали, было радостно погрузиться в атмосферу новых надежд и оптимизма. Галстуки нам повязали курсанты Орского высшего военного училища, под оркестр, с внесением школьного знамени. Я не был активным пионером, но помню, что пионерская жизнь кипела.

Азат Биктимеров, ветеран коксохимического производства ММК:

– Учился в деревне, в Абзелиловском районе. В начальной школе детей было мало, всё складывалось как-то по-домашнему, и пионерская работа была неформальной. Учителя водили нас в горы в однодневные походы, подсказывали, кому из стариков в селе помочь в огороде или по дому. Мы помогали часто – этим и запомнились мои пионерские годы начала семидесятых. Обычно взрослые в этом даже не участвовали, просто говорили, к кому заглянуть – мы всё сами делали, уговаривать не приходилось: односельчане же.

Наталья Мурзабаева, психолог:

– Я из замыкающего пионерского поколения, и рада, что это было в моей жизни. Перестроечное время, конечно, оказалось сложным, но уже неслись ветры перемен. Помню, как выиграла талон на обувь – в каждом классе их разыгрывали по два, а потом «победители» ходили в одинаковых сапогах. Помню, как раз в неделю можно было, выстояв в огромной очереди, купить на талоны пряники или зефир. Дети чувствуют, как меняется настроение общества, видят, с какими трудностями оно встречается, но пионерская жизнь не стала менее привлекательной из-за смены идеологии. Меня как отличницу приняли в организацию в числе первых. Это было у нас в Верхнеуральске, в музее, в праздничной обстановке. Несмотря на прохладу, мы на обратном пути расстегнули куртки, чтобы были видны галстуки: хотелось делиться радостью со всем миром. И обязательно вести масштабную работу: в маленьком кругу прочнее дружба, больше понимания. Была звеньевой, каждую неделю наша звёздочка подводила итоги: ставили друг другу оценки за поведение, опрятность, добрые поступки. Хорошее было время, научило дружить!

✍ Беседовала Алла Канышина